

А.А. Плотникова, **Этнолингвистическая география Южной Славии.**
Изд. «Индрик». М., 2004, 767 с.

Одна из задач, решаемых лингвоэтническими исследованиями, связана с выявлением структуры славянского языкового пространства. По мере развития наука обогащается новыми подходами, расширяется арсенал средств, используемых при определении территориально-языковых образований и моделировании пространственных отношений. На новом этапе развития науки, отмеченном сближением наук — истории, этнографии, лингвистики, открываются новые перспективы в изучении этой проблемы. В современной науке в изучении структуры славянского языкового пространства в прошлом и настоящем важная роль отводится этнолингвистическим исследованиям. Работа А.А. Плотниковой идет в русле исследований московской этнолингвистической школы. Принципы этнолингвистического направления, разработанные и сформулированные в трудах Н.И. и С.М. Толстых, получают дальнейшее развитие в работе А.А. Плотниковой. Впервые предпринято построение ареальной структуры южнославянского языкового пространства на основе этнолингвистических данных. Традиционно в синхронном плане и в плане решения лингвоэтнических проблем выводы о членении южнославянской территории строятся в науке преимущественно на языковом материале, на распределении в пространстве фонетических, морфологических, словообразовательных и т.п. изоглосс, при этом остается много дискуссионных и нерешенных проблем лингвоэтнического характера (ср. проблему этнолингвистических отношений носителей кайкавских и словенских диалектов, проблему этнодиалектного состава славянских племен, участвующих в освоении территории к югу от Дуная и т.п.). С развитием этнолингвистических исследований появилась возможность с иных позиций, с использованием иной методики и иного материала подойти к исследованию традиционной проблематики. В задачи ис-

следования А.А. Плотниковой входит выявление культурно-языковых ареалов и их картографирования с учетом совпадения или соотношения этнокультурных ареалов с языковыми изоглоссами. Труд А.А. Плотниковой, освещающий традиционную для славистики проблему с позиции отражения терминов народной культуры и соответствующих этнографических явлений в южнославянском языковом пространстве, представляет собой принципиально новый тип исследований, обогащающий науку новым подходом и тем самым способствующий более углубленному пониманию многих проблем типологического и этнолингвистического характера. Разрабатываемый А.А. Плотниковой этнолингвистический подход к выделению ареалов и построение на этой основе этнолингвистической географии Южной Славии открывает новое направление, которое может быть определено как культурная диалектология. Это — первый опыт комплексного описания южнославянских народных традиций и интерпретации их ареальных характеристик, первый опыт этнолингвистического картографирования явлений традиционной народной культуры в южнославянском пространстве.

Работа А.А. Плотниковой представляет собой сложное многоаспектное исследование, которое базируется на детально разработанной методике последовательного многоступенчатого анализа терминов и соответствующих явлений традиционной народной культуры. Основополагающее значение для всей концепции работы имеет понятие «культурный диалект» в определении, данном Н.И. Толстым: «Диалект (равно как и макро- и микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую...» (с. 17). Ключевым для исследования стало вытекающее из этого определения понятие культурно-диалектного (или культурно-языкового) ареала. Результаты исследования, ориентированного на выделение, описание и интерпретацию культурно-диалектных ареалов на территории южных славян через набор устойчивых дифференцирующих этнолингвистических признаков, представлены в виде карт, дающих комплексное представление явлений лексики и соответствующих экстралингвистических данных. Синхронное и историческое прочтение этнолингвистических карт потребовало от автора комплексного подхода к сбору, обработке, анализу материала.

К построению этнолингвистической географии Южной Славии автор подходит через целый ряд предварительно проведенных исследований, каждое из которых имеет вполне самостоятельное значение. Во Введении и первом разделе работы определяется предмет исследо-

вания, обосновывается методика этнографического картографирования, характеризуются источники материала. Характеристика выбранных для исследования культурно-языковых явлений и описание ареалов по набору этнолингвистических признаков дано в последующих двух главах. Больше половины объема книги отведено картам с комментариями явлений во всех возможных аспектах. В заключительной части работы автором подведены итоги исследования. Завершает работу список литературы и источников, предметно-тематический указатель и список карт. Книга снабжена предметно-тематическим указателем.

В круг источников, использованных в работе для исследования явлений традиционной народной культуры, входят диалектные, этнографические, фольклорные материалы, этнографические и диалектные атласы, архивные материалы и картотеки, создаваемые для этнологических и диалектных атласов, специальные исследования этнографов и этнолингвистов, посвященные частным темам традиционной народной культуры по отдельным регионам Южной Славии. В числе источников и полевые материалы, собранные автором по этнолингвистическому вопроснику в 10 регионах Южной Славии (шести сербских, двух болгарских и двух македонских), а также материалы, собранные по этнолингвистическому вопроснику в 1997–2002 гг. при работе над «Малым диалектологическим атласом балканских языков».

Использованные источники дают широкий хронологический срез так называемого «этнографического настоящего», они неоднородны по своему составу и информативным возможностям. Автором проделана большая работа по систематизации накопленного наукой огромного фактического материала и оценки возможностей этого материала с точки зрения картографирования. Обилие материала, содержащегося в самых разных источниках, ставит перед автором задачу отбора явлений наиболее часто проявляющихся в том или ином южнославянском ареале и наиболее значимых для решения поставленной задачи. Для исследования выбраны отдельные фрагменты традиционной народной культуры из сферы «Народный календарь», «Семейная обрядность» (с подтемами «Рождение», «Свадьба», «Смерть»), «Народная мифология». Предметом всестороннего изучения стали термины и соответствующие явления традиционной народной культуры, которые не прослеживаются на территории западных и восточных славян и, следовательно, отличительно характеризуют южнославянский ареал. Отбор материала производился на основе 1) сравнения южнославянской традиции и балканских неславянских традиций, поскольку южнославянские языки и народные традиции

входят в сферу балканского влияния, 2) сравнения традиций внутри южнославянского ареала (болгарской, македонской, сербской, хорватской, словенской).

Ввиду сложности объекта исследования особое значение приобретает обоснование принципов отбора этнолингвистических признаков, значимых для построения географии Южной Славии. Сам термин оказывается знаком свернутого обряда, ритуала, обычая, мифологического образа и т.п. В перечень характеристик этнолингвистических явлений входят как лингвистические, так и экстралингвистические признаки. Из всего многообразия особенностей обрядового комплекса или представления о мифологическом персонаже автор выделяет для картографирования релевантные, концептуально значимые этнолингвистические признаки. Объектом картографирования становятся термины в соотнесении с ритуальными действиями, ритуальными предметами, функциями, выполняемыми участниками обряда и т.п. С учетом многообразия форм и смысловых реализаций в сфере традиционной народной культуры в качестве объекта картографирования избираются инварианты культурных значений, определяемые на основе функционального тождества территориально варьирующих явлений (ср. знак окончания жатвы, оформленный у славян разными обрядовыми реалиями — борода, букет, коса, плеть и т.д.), принимается во внимание соотнесенность ритуала с определенным временным этапом обрядового комплекса и т.п. В основу картографирования мифологической лексики положены признаки, определяющие функцию, генезис мифологического образа, его ипостаси, место обитания и т.д. В корпус этнолингвистических признаков входят семантика, символика и внутренняя форма этнокультурной лексики. Особое значение придается внутренней форме терминов традиционной народной культуры, поскольку нередко в самом названии уже заложена интерпретация явления. Особо подчеркивается важность тщательного изучения экстралингвистических факторов при установлении мотивации того или иного термина и связанных с этим особенностей обозначаемого денотата (ср. названия народных праздников, с названиями диких животных, *Мышиный день*, *волчьи дни* и т.п.).

Вторая глава представляет собой серию очерков, посвященных характеристике культурно-языковых явлений. Для каждого из явлений определяется круг терминов, условия их функционирования, этнолингвистические характеристики с последующим наложением на карту. В разделе «Народный календарь» предметом исследования стали следующие явления: «Мышиный» день, «Волчьи» дни, «Медвежий» день, хронимы Рождества, Рождественский каравай, ро-

ждественский фигурный хлеб, рождественское полено, зимние дружины ряженных, новогодние дружины, последний день масленицы, масленичный и летний ритуальные огни, мартовские ритуалы, поверья и легенды, день св. Иеремии — заклинание против змей, весенне-летние девические обходы, весенне-летний окказиональный обряд вызывания дождя. Тема «Семейная обрядность» представлена следующими явлениями: женский праздник по случаю рождения ребенка, «рубашечка», послед, ребенок — участник свадьбы, плач, голошение по умершему, поминки после погребения умершего, поминки в течение календарного года. Из явлений народной мифологии предметом специального рассмотрения стали вила, вампир, ведьма, демон-герой и его противники, демон — хозяин места, дух некрещеного ребенка, демоны, определяющие судьбу.

Для каждой из характеристик прослеживаются зоны распространения. Наложение на карту комбинации разных этнолингвистических признаков дает наглядное представление о том, как распределяются на исследуемой территории наименования обряда, как реализуются мотивы, временные моменты, семантика, символика и т.п. обрядового комплекса. Вычленяемые по совокупности этнолингвистических признаков ареалы предстают как устойчивые культурно-языковые образования со своими специфическими особенностями и своими ареальными связями. Автор прослеживает, как соотносятся между собой диалектные зоны и культурно-языковые ареалы, определяет, какие этнокультурные признаки не выходят за рамки очерченного ареала, а какие признаки прослеживаются в других ареалах.

В третьей главе по распределению этнолингвистических признаков на южнославянской территории выделяются ареалы, очерчиваются контуры их границ, прослеживаются взаимосвязи ареалов и т.д. Каждый из ареалов последовательно и подробно охарактеризован по распределению признаков в сфере «Народный календарь», «Семейная обрядность», «Народная мифология». В совокупность признаков, на основании которых выделяется тот или иной ареал, включаются и данные диалектной фонетики, морфологии. Основным признается деление южнославянского языкового пространства на два ареала — западный и восточный. Основная часть терминов и явлений традиционной народной культуры, относимых к разряду южнославянских, сосредоточена в восточной части южного ареала, многие термины и обычаи не прослеживаются в западном ареале. К восточному ареалу тяготеют термин **surva-*, обозначение новогодних дружин колядующих, символика медведя в названии дня св. Андрея и исполнение соответствующих ритуалов, дериваты от *миш-* (*Мишляко*, *Мишулов дан*

и т.п.) в наименованиях праздника, празднование «волчьих», «медвежьих» дней. Наблюдается терминологическая противопоставленность в западном и восточном ареалах: ср. преобладание образований с корнем *vešt-* в западной части (словен. *veščā, vještica*, серб. *veštīca*), с корнем *tag-* в восточной части; термины вызывания дождя — *пеперуда* (вост.) и *додола* (зап.); преобладание на западе терминологии с корнем *кошуљ-* (серб., макед. *кошуља*, ю.-з. болг. *кошуля*), на востоке — терминологии с корнем *риз-* (болг. *риза*). Для территории Болгарии, включая северо-запад и исключая юго-запад, характерны названия хрононима с корнем **kolęd-*, для западной части (юго-западная Болгария, Македония, Словения) — названия, производные от слав. *bogъ* (серб. *Божих*, болг. родоп. *Божук*, словен. *Vožič* и др.).

В составе восточной части южнославянского языкового пространства выделяется несколько ареалов, каждый из которых оценивается по совокупности признаков и ареальным связям. Особое место в структуре южнославянского ареала отведено сербско-болгарскому пограничью, расположенному на пересечении культурно-языковых традиций. В этом ареале, совмещающем черты, характерные для восточной Сербии и западной Болгарии, наиболее четко выражено противопоставление внутренних зон в направлении север — юг с примыканием южной части к ареалу, охватывающему южную и юго-восточную Сербию, Македонию, юго-западную и южную Болгарию. При характеристике этого ареала специально отмечены явления, компактно распространенные в этом ареале (ср. названия ходячего покойника серб. *шенац, шеньц*, болг. *тенџц*, название лица и самого обряда вызывания дождя *росоманка*, термин *йасшорче*, обозначение вручаемого невесте ребенка, термин *свирџц* для обозначения демона, происходящего от умершего некрещеного ребенка и т.д.), и явления и признаки, выходящие за пределы этого ареала (ср. название дня св. Андрея типа «Медвежий день»), а также явления концентрирующиеся в северной или южной зоне (ср. на юге группу терминов *сирова-скаре, сировари*, обозначающих новогоднюю процессию ряженных с «невестой» и разыгрывающих в ходе обряда свадьбу, *Лада*, обряд «ложной невесты» и т.д.).

Для македонского ареала, рассматриваемого в окружении южнославянских традиций, прослеживаются связи с юго-восточносербскими и западноболгарскими этнокультурными традициями, регионами южного, восточного балканославянского пояса, а также средиземноморским ареалом. Специфику этого ареала, являющегося составной частью балканского центра южнославянского континуума, составляет ряд особенностей, к числу которых отнесены обряды, приуроченные

к празднику *Водици*, святочные и масленичные приглашения ветра и т.д.

Особенность выделяемого южного балканославянского пояса, в состав которого входят преимущественно южные и юго-восточные районы Македонии и южные области Болгарии (Пирин, Родопы, Фракия, отчасти Странджа) определяется принадлежностью этого ареала к латеральной зоне, с одной стороны, а с другой — соседством с греческими областями. В комплекс признаков, характеризующих этот ареал, отнесены термины, обозначающие группы новогодних ряженных с корнями *star-*, *bab-*, *děd-*, лексика из сферы народной мифологии (**juda*, **наречница*) и т.д.

Западный ареал, охватывающий словенско-кайкавскую территорию, рассматривается как единое целое без вычленения в его составе культурно-языковых зон. К отличительным особенностям этого ареала отнесены как специфические явления в сфере традиционной народной культуры и обслуживающей их терминологии (ср. словен., хорв. чак. *čok* 'бадняк' и др.), так и явления, общие для южных славян, унаследованные (ср. **navъje*, название дух-демона и т.д.) и сложившиеся в балканскую эпоху (обычай «бадняк»).

Через всю южнославянскую территорию проходит противопоставление центра — периферии. Центральный южнославянский ареал, центральная балканославянская зона, в состав которой включены македонская, западноболгарская, сербская, черногорская и в ряде случаев восточногерцеговинская традиция, македонско-южносербско-западноболгарская зона, характеризуется сохранением устойчивой культурно-языковой традиции. Ряд соотносимых явлений наблюдается на периферии, к которой отнесены крайний запад южнославянской территории, т.е. Македония, южная и восточная части Болгарии. Многие явления периферии наблюдаются в сербско-болгарском пограничье, а также в южном балканославянском поясе.

В работе в полном объеме выявлен и всесторонне охарактеризован состав терминов каждой из рассматриваемых тематических групп и, что очень важно, намечены признаки их системной организации.

Результаты исследования получили картографическое воплощение. Всего в работе 46 карт. Карты разного типа дают наглядное представление о распространении терминов и обозначаемых ими этнокультурных явлений, а также явлений, не имеющих лексического выражения. К части II приложено 38 карт, к заключительной третьей части — 8 карт обобщающего характера, которые дают наглядное представление о членении южнославянского ареала по совокупности изолекс, изосем, изодокс. На сводных картах показаны границы, по

которым проходит противопоставление явлений по линии запад — восток, центр — периферия. На картах N III-3, III-4 продемонстрированы микроареалы в пределах македонско-южносербско-болгарского ареала и южного балканославянского пояса. Кроме того, в работе находим справочные карты: две из книги П. Ивича «Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развој. Сремски Карловци; Нови Сад, 1994, с. 25, 27 и одна карта из работы М. Гавацци «Карта ареалов традиционной культуры Юго-Восточной Европы» (*Vrela i sudbine narodnih tradicija*. Zagreb, 1978, с. 181).

Каждому из явлений, рассматриваемых во II главе, посвящено две карты: на одной карте с помощью специальных знаков показано территориальное распределение терминов, обычаев и т.п., на второй цифрами обозначены пункты фиксации материала. К картам приложен большой справочный аппарат. Самостоятельное значение имеет приложение, в котором привлеченный к исследованию материал описан с разных сторон. Здесь мы находим полное название пунктов фиксации материала с указанием терминологических вариантов и характеристикой термина и соответствующего явления, название источника (словари, специальные исследования и т.п.), из которого был извлечен материал. Само приложение может быть использовано как один из возможных источников материала в последующих исследованиях. В приложение включен также комментарий, в котором дается краткая информация об исследуемом явлении, его распространении, приводятся причины, по которым появляются лакуны на карте.

Проведенное исследование решает задачу систематизации, интерпретации и картографирования явлений традиционной народной культуры. Система сопоставимых карт фактографического и обобщающего характера формирует модель пространственных отношений Южной Славии.

Ценность исследования А.А. Плотниковой в комплексном подходе к анализу культурно-языкового материала. Карты, построенные на сочетании лингвистических и экстралингвистических признаков, дополняют и расширяют базу лингвистических разысканий. С использованием культурно-языковых показателей мы получаем более полную и точную картину собственно «языкового ландшафта».

В плане оценки структуры южнославянского ареала в глубокой исторической ретроспективе весьма важен вывод о меридианальной направленности изолиний, полученных по данным языковых и этнокультурных явлений. К такому выводу подводит автора соотнесение карт, на которых показано распределение культурно-языковых явле-

ний, с той картиной, которая описана и представлена на картах в книге П. Ивича.

Трудно переоценить значение проведенного исследования для воссоздания картины ареальных различий в лексике южнославянских языков. Благодаря детальной проработке материала с выявлением широкого спектра культурных значений во всем многообразии своих проявлений в пространстве предстают характеристики славянских терминов народной культуры. Нанесенный на карту этнолингвистический материал не только подтверждает установленное по данным языка деление южнославянской территории по линии запад — восток, но и показывает, как проявляется это различие в сфере терминологии традиционной народной культуры. Таким образом, впервые в корпус лексических различий включена терминология народной культуры. Карты наглядно показывают, как на территории южных славян проявляется лексическое варьирование, как распределяются термины, выполняющие сходные функции (ср. диалектные наименования Рождества *božić*, **kołęd-*, *Sveti dan*, *kračun; наименования возжигаемых на масленицу обрядовых костров *оратник, *олалија, *куркулник*, *напалига*, *каравештица* и др.; *dodola, *peperuda, *prporuša, *rosoman-ka и др., термины обряда вызывания дождя и др., наименования поминальной трапезы после погребения *шрайеза, *ручак, *йомен, *задуш-ша, *karmina и др.; наименования мифологического персонажа *(*h*)*ala*, *lamija, *aždaja). Картографируемый материал позволяет выявить соотношенность терминов с близкими, но несовпадающими денотатами (ср. *surva, отражающее типы южнославянских дружин колядующих). Информация, извлекаемая из внутренней формы термина, дает ответ на вопрос, какой мотивационный признак положен в основу номинации, ср. ю.-слав. термины голошения по покойнику с внутренней формой ‘плакать’ (**plak-*, **kuk(a)-*, **lelek-*, **jok(a)-*, **ja-uk-*), с внутренней формой ‘перечислять’ (**ređ-*, **broj-*), ‘называть’ (**narěk-*, **naric-*), ‘петь’ (**pě(v)-*, **bugar-*), ‘кричать’ (**vik-*), ‘выть’ (**vij-*). Детально проанализированный материал показывает, какие лексические средства используются в разных ареалах для обозначения явлений одного семантического поля, и позволяет проследить, как, в каких направлениях проявляется различие в семантике, в выборе признака, положенного в основу обозначения, и т.п. С учетом всех этих аспектов появляется возможность более адекватного отображения ареальной структуры южнославянского пространства.

Нельзя не отметить, что с разной степенью полноты охвачен картографированием южнославянский ареал. Наиболее репрезентативно представлен материал, относящийся к восточному, центрально-

му ареалам. Лакуны, разреженные изоглоссы и изодоксы в западной части южного ареала обусловлены целым рядом причин и не в последнюю очередь — отсутствием источников, диалектных, этнографических, фольклорных материалов, недостаточной изученностью традиционной народной культуры. В каждом конкретном случае этот момент оговаривается автором в комментариях к картам (ср. Хроними Рождества, Последний день масленицы и др.). Можно думать, что с привлечением новых материалов откроется перспектива выявления ареальной структуры западной части южнославянской территории, что очень важно для установления drobных ареальных связей между двумя перифериями — западной и восточной.

По наблюдениям автора, «сплетения этнокультурных изолек далеко не повторяют общую картину собственно лингвистического изоглоссирования на территории Южной Славии» (с. 251). Выявляемые культурно-языковые ареалы не совпадают с территориально-диалектными образованиями. Культурно-языковой ареал, объединяющий диалекты разных языков, оказывается понятием более широким. Как показал проведенный автором анализ, диалектные области сербского, болгарского и македонского языков входят в разные южнославянские ареалы. Так, Македония разными своими частями входит в македонский ареал, в ареал сербско-болгарского пограничья, в балканославянский пояс. Членение по культурно-языковым признакам перекрывает и в определенном смысле надстраивается над диалектной структурой южнославянского пространства. По данным языка, по распределению фонетических, морфологических и др. признаков мы получаем более дробное членение южнославянского языкового пространства. Каждое из территориально-диалектных образований имеет свою специфику, занимает свое место на карте Южной Славии. Диалектная и этнолингвистическая структуры, выделяемые по разным основаниям, частично совпадающим, взаимно дополняют друг друга.

Картографирование дает интересные результаты, важные не только для определения ареалов на южнославянской территории, но и для выработки общих представлений о динамике этнолингвистических процессов. Дифференциация южнославянских ареалов является составной частью более широкого круга проблем этногенеза южных славян. Значение исследования определяется тем, что, помимо описания, характеристики этнокультурных явлений Южной Славии и картографического их представления, автор предлагает интерпретацию полученных результатов в плане лингвогенеза южных славян. Всем ходом исследования автор подводит к обсуждению некоторых методологических вопросов, важных для понимания культурно-языковых

процессов в южнославянском языковом пространстве. Эти вопросы не ставятся в работе, но необходимость в их обсуждении вытекает из тех выводов, которые делаются автором о генезисе ареальных отношений на карте Южной Славии.

В исследовании А.А. Плотниковой затрагивается одна из важнейших проблем — в каком отношении находится выявляемая ареальная структура южнославянского языкового пространства с языковыми процессами праславянского языка эпохи миграций.

В работе прослеживается тенденция проецировать выявленные пространственные отношения на южнославянской территории на плоскость праславянского языка. Автор полагает, что результаты проведенного исследования «играют важную роль в определении путей и времени заселения Балкан славянскими племенами» (с. 321). Выделяемые на современной карте культурно-языковые ареалы, отражающие ситуацию «этнографического настоящего», предстают как устойчивые образования, сохраняющие непрерывность во времени. Автор склонен видеть в противопоставлении ареалов по линии запад — восток отражение миграционных процессов, традиционно относимых к эпохе V–VII вв. При интерпретации лингвистической и этнографической противопоставленности двух южнославянских ареалов — западного и восточного — автор исходит из теории, которая связывает это различие с освоением южнославянской территории двумя миграционными потоками. Предполагается, что первый, самый ранний поток славянских племен, состоявший из носителей будущих словенских и болгарских диалектов, захватил почти всю территорию Балкан, а позднее (VIII в.) единый массив славянских племен был раздвинут миграционными потоками будущих сербских и хорватских племен, вклинившись в центре, они оттеснили на окраины осевшие здесь славянские племена. Теория освоения южной территории двумя волнами славянских миграций из одного центра — Паннонии, впервые сформулированная Е. Копитаром и Ф. Миклошичем, была призвана обосновать положение об особой близости словенского и старославянского языков. С момента возникновения эта теория и связанная с ней проблема диалектных истоков старославянского языка, лингвоэтнических отношений двух южнославянских окраин стали предметом острой дискуссии (ср. Jagić 1913: 15 и след., Кульбакин 1930: 87–143). В ходе изучения лингвоэтнических процессов постепенно приходит более сложное понимание проблемы. Несомненно, усиление различий двух южнославянских ареалов уже после переселения славянских племен на Балканы и Восточные Альпы связано со многими факторами и не в последнюю очередь с географическим положе-

нием, с развитием южнославянских областей в разных культурных сферах. Н. Ван-Вейк отводил решающую роль в становлении противопоставления двух ареалов географическому фактору. Он предполагал существование между обеими частями южнославянского ареала промежуточной зоны с субстратным (романским) населением в Восточной Сербии и Западной Болгарии. Культурологический фактор выдвигает на первый план А. Маргулис: сербохорватский язык развивался в сфере романского влияния, а болгарский оказался в сфере влияния греческого языка (Margulíés 1926: 197–222).

На какое-то время старая теория была предана забвению. Но во второй половине XX в. наблюдается возрождение старой теории. И большая роль в возрождении этой теории принадлежит этнографам Гавацци и Братаничу. На основе терминологии плуга Братанич попытался показать, что в южнославянском ареале словенско-болгарская окраина сохраняет один тип плуга, тогда как центр — другой. Далее эти идеи получили развитие на лексическом материале в трудах Н.И. Толстого.

Современные исследования проблем славянского лингвогенеза показывают, что процессы освоения славянскими племенами новой родины протекали более сложно, они не сводимы к разовому одностороннему и одновременному расселению славянских племен из одной точки. Исходя из сообщения Иордана о делении славян на антов и склавенов и занимаемой ими территории Среднего Дуная и земли между устьем Дуная, Днестром и верховьем Вислы, необходимо считаться с возможностью освоения Балкан и Восточных Альп разновременными миграционными потоками, двигавшимися из разных мест и в разных направлениях. В качестве исходных точек называют область Нижнего Дуная, Западные Карпаты и Восточные Альпы, Паннонию (Бирнбаум). Изучая отражение еров в болгарских диалектах И. Гылыбов приходит к выводу об освоении болгаро-македонской территории тремя миграционными потоками: первый поток двигался из той задунайской области, которая контактировала с будущими польскими диалектами, прошел через Мизию и Фракию и занял Родопы и соседние районы; второй поток, более мощный, направлялся из восточных районов задунайской земли, миновав Добруджу и большую часть северной Болгарии, эти племена заселили область к югу от Стара Планина, на запад от Черного моря, далее прошли в Македонию и на юг Пелопонеса; третий поток продвигался с северо-запада, из Паннонии, по течению рек Тимок и Морава (Гъльбов 1964: 227). Основываясь на данных топонимики, Й. Заимов несколько иначе представляет себе процесс освоения славянами Балканского пол-ва. По

его данным, Родопы не могли быть заселены с востока или с севера. Областью раннего густого заселения была Солунская область. Отсюда по Струмской долине с юго-запада на северо-восток и восток племена продвигались в Родопы и Беломорье. Носители солунских и родопских говоров принадлежали одной этнической группе, единой по языку (Заимов 1967: 99–103). По наблюдениям Х. Бирнбаума, сербохорватский язык, являясь составной частью генетически родственных славянских и южнославянских языков, образует определенный тип структуры, сложившейся в результате вторичных языковых процессов — смешения диалектов, процессов конвергенции (Birnbauм 1984: 77–84). Современное распределение говоров полностью не совпадает с первоначальным заселением Балканской территории. Формирование культурно-языковых ареалов обусловлено историко-генетическими и ареально-типологическими процессами. Далеко не всегда представляется возможным разграничить явления унаследованные и инновации, возникшие на основе взаимодействия языков / диалектов, общих культурно-исторических процессов в рамках определенных государственных образований и т.п. Развитие каждого из ареалов и территориально-диалектных образований детерминировалось историческими событиями, социально-экономическими и географическими условиями. На каждом этапе развития разные факторы оказывали влияние на типологическое выравнивание разных систем. Нам представляется, что вычленяемые культурно-языковые ареалы на территории Южной Славии отражают тенденции к сближению, консолидации территориально близких образований. Поздними процессами исторического времени определяются облик и конфигурация выделяемых в работе лингвоэтнических образований. Каждый из южнославянских языков представляет собой определенный лингвистический тип, сложившийся уже после переселения на Балканы на основе смешения, консолидации разных культурно-языковых образований. Вся совокупность известных нам исторических и лингвистических данных не может быть объяснена на основе теории о заселении южной территории двумя миграционными потоками.

Многие явления в работе получают объяснение на основе противопоставления центр — периферия. В науке о языке центр определяется как область, откуда исходят инновации, а периферия — как область консервации архаичных явлений. По мере удаления от центра ослабевает действие новых процессов, последовательность изменений в пространстве соответствуют изменениям во времени, «диалекты языка есть его развернутая в пространстве диахрония». В этнолингвистике центр, выделяемый по признаку концентрации изолиний, ас-

социруется с сохранением явления народной культуры в полном объеме, по мере удаления от центра происходит разрушение целостного образа, трансформация явления традиционной народной культуры как в формальном, так и в содержательном плане. Хронологически разные состояния народной культурной традиции, отражаемые культурными диалектами, дают основу для реконструкции структуры обряда в целом и в меньшей степени связи во времени компонентов обряда и т.п. В языке и культуре центр и периферия подвижны. На разных этапах развития в языке возникают свои центры и периферии, и они могут не совпадать с распределением по этому принципу явлений традиционной народной культуры. Известно, сколь велика роль географических показателей в решении вопроса о происхождении и развитии языковых явлений, в выявлении архаизмов и инноваций. Применительно к VI–VII в. важная роль в развитии языковых явлений, определивших облик современных славянских языков, отводится областям к югу от Карпат. По наблюдениям Т. Милевского из этого центра исходили фонетические инновации позднепраславянской эпохи (метатеза плавных, переход носовых гласных в губные, узкая артикуляция $\check{e} = e / e / i$, переход праслав. $y > i$, утрата интонаций и т.д.), определившие фонетический облик современных славянских языков (Milewski 1966). На новой родине эти отношения были перекрыты и размыты более поздними процессами. Здесь возникают новые территориально-диалектные образования со своими центрами, откуда исходили отдельные инновации и инновации, затрагивавшие структуру ареала в целом. Возникшие новые центры этнокультурных явлений не могли не влиять на собственно языковые процессы, не могли не способствовать консолидации и нивелированию диалектных различий. Вообще наблюдаемое в языке противопоставление по линии центр — периферия не имеет абсолютной силы, оно скорее отражает некоторые тенденции в развитии языковых процессов. Центр может сохранять архаизмы, а на периферии нередки инновации.

Значение исследования А.А. Плотниковой в том, что оно позволяет с иных позиций в более широком контексте подойти к рассмотрению традиционных для славистики проблем. Богатый, всесторонне проанализированный материал традиционной народной культуры и обслуживающей ее терминологии стимулирует интерес к важнейшим проблемам славянского лингвогенеза. Одна из них — проблема соотношения культурно-языковых образований в разные эпохи — в эпоху славянских миграций и в историческое время. Вероятно, требует более детальной разработки проблема соотношения центра и периферии в языке и в сфере традиционной народной культуры. Кар-

тина ареальных связей оказывается неполной без увеличения фактического материала и выявления на его основе ареальной структуры западной части южнославянской территории. Структура пространственных отношений, вероятно, неоднократно перестраивалась под влиянием разных факторов. В связи с этим особое значение приобретает этнокультурный фактор. Как видим, работа А.А. Плотниковой дает новые импульсы для исследования кардинальных проблем славистики.

Работа А.А. Плотниковой представляет собой фундаментальное исследование, которое задает новый уровень изучения этнолингвистических проблем. Исследование А.А. Плотниковой вносит большой вклад в изучение проблем ареального членения южнославянского языкового пространства, этнолингвистических процессов на территории Южной Славии. Результаты исследования имеют большое общетеоретическое и практическое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Гълъбов 1964* — Гълъбов И. Ерови застъпници и българското диалектно членение // Изв. на Института за български език. Кн. XI.
- Займов 1967* — Займов Й. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София.
- Кульбакин 1930* — Кульбакин Ст. О речничкој страни старословенког језика // Глас Српске Краљевске Академије. СХХХVІІІ. Други разред. 73. Београд.
- Jagić 1913* — Jagić V. Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. Berlin.
- Birnbaum 1984* — Birnbaum H. A typological view of Serbo-Croatian; some preliminary considerations // Сб. Матице српске за филологију и лингвистику XXVII / XXVIII. Нови Сад.
- Marguliés 1926* — Marguliés A. Historische Grundlagen der Südslawischen Sprachgliederung // AfsI Ph Bd. 40. Berlin.
- Milewski 1966* — Milewski T. Archaizmy peryferyczne obszaru prasłowiańskiego // Sprawozdania z posiedzeń komisji PAN. Oddział w Krakowie. Styczeń-czerwiec 1965. Kraków, 1966, 134–137.

Москва

Л.В. Куркина